

В.И. Лафитский, О.И. Семькина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА «PRO ET CONTRA»

Аннотация. В статье проводится исторический анализ доктринальных аргументов «за» и «против» введения института уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство, а также рассматриваются отдельные правовые нормы об уголовной ответственности юридических лиц, существовавшие в российской правовой системе X — первой половины XX вв.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, штраф, ликвидация, запрет занимается определенным видом деятельности, временное прекращение деятельности, пробация, публичное обнародование приговора, конфискация, Русская Правда, Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., декреты советской власти.

Одной из последних тенденцией в сфере совершенствования мер борьбы с преступностью, особенно коррупционной и экономической направленности, можно назвать посылку к конструированию в отечественном законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц. Постановка вопроса о введении уголовной ответственности юридических лиц появилась не случайно. Международные стандарты (например, ст. 18 Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.¹ и ст. 26 Конвенции против коррупции от 31 октября 2003 г.²) подтверждают необходимость и рекомендуют криминализацию деяний юридических лиц.

Целесообразность принятия соответствующих законодательных и иных мер указывалась в рекомендации № XXIV сводного Отчета ГРЕКО по первому и второму раундам оценки Российской Федерации от 5 декабря 2008 г.³ и Отчете ГРЕКО о выполнении Российской Федерацией указанной рекомендации от 3 декабря 2010 г.⁴ В настоя-

щее время такие международно-правовые «пожелания» еще не внедрены в нашу национальную правовую систему, что вызвано целым комплексом причин-препятствий (теорией «фикции»; господством принципа «персонализации», а не «идентификации»; отсутствием в деянии волевых и психических элементов и др.)⁵.

Не вдаваясь в дискуссию о существовании этих причин, отметим лишь, что полная реализация идеи введения в российское законодательство уголовной ответственности юридических лиц требует колоссальных преобразований. Этот шаг приведет к пересмотру не только многих нормативных правовых актов, прежде всего, УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, но и общетеоретических подходов к институту уголовной ответственности. Возможно, потребуются также поэтапное введение уголовной ответственности юридических лиц, сперва как «пилотный проект» в отдельных субъектах РФ.

¹ СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.

² Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7–54.

³ Joint First and Second Evaluation Rounds. Evaluation Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 40th Plenary Meeting (Strasbourg, 1-5 December 2008) // Group of States Against Corruption [сайт] // URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 29.12.2013).

⁴ Compliance Report on the Russian Federation. Adopted by

GRECO at its 49th Plenary Meeting (Strasbourg, 29 November – 3 December 2010) // Group of States Against Corruption [сайт] // URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 29.12.2013).

⁵ Семькина О.И. Генезис уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве середины XIX–XXI вв. // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России): сб. матер. всерос. науч.-практич. конф. (18 апреля 2013 г.): в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2013. Ч. 2. С. 269–274.

Как справедливо отмечают С.Е. Нарышкин и Т.Я. Хабриева⁶, современное российское уголовное законодательство уже имеет некоторые предпосылки к развитию системы мер уголовно-правового характера, применяемых к юридическим лицам за совершение ряда преступлений. Здесь можно отметить положения ч. 3 ст. 104¹ УК РФ о том, что имущество, полученное в результате совершения перечисленных в уголовном законе преступлений, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий. Данное указание УК РФ распространяется на многие преступления коррупционной и экономической направленности.

Дискуссия об уголовной ответственности юридических лиц занимает умы многих ученых⁷ и практиков⁸. Сегодня при обсуждении вопроса о введении в отечественное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц традиционно ориентируются на опыт зарубежных государств. Как известно, этот институт существует в законодательстве государств с различными правовыми традициями, например, в Австралии, Азербайджане, Великобритании, Бельгии, Венгрии, Дании, Индии, Израиле, Ирландии, Исландии, Испании, Италии, Канаде, Кении, Китае, Корее, Латвии, Люксембурге, Молдове, Нидерландах, Норвегии, Пакистане, Польше, Румынии, Словении, США, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Швейцарии, Эстонии и др.

Фундаментальные исследования законодательных конструкций и практики уголовного преследования юридических лиц в зарубежных странах, выявляют различные пути каждого государства в криминализа-

ции деяний юридических лиц⁹. Сравнительно недавно вопрос о введении в уголовное законодательство института уголовной ответственности юридических лиц получил положительное решение в национальном праве Украины. С 1 сентября 2014 г. вступают в силу изменения и дополнения в УК и УПК Украины в части установления уголовной ответственности юридических лиц, предусмотренные Законом Украины от 23 мая 2013 г. № 314–VII «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц)». Этот закон дополнил Общую часть УК Украины новым разделом XIV¹ «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», которые применяются, в том числе за совершение преступлений экономической направленности¹⁰.

В большинстве зарубежных государств комплекс мер уголовно-правового воздействия на юридических лиц включает, как правило, одинаковые санкции: штраф; запрет юридическому лицу заниматься определенными видами деятельности; временное прекращение деятельности юридического лица; probation; компенсацию причиненного ущерба; ликвидацию юридического лица; публичное обнародование приговора; конфискацию доходов, имущества и предметов, полученных незаконным путем.

В исторической ретроспективе такие меры ответственности юридических лиц не являются исключительным явлением современности. Уголовная ответственность отдельных людей и образованных ими сообществ существовала всегда, что подтверждают практически все законодательные акты древности. И только в эпоху великих буржуазных революций, провозгласивших «священный» принцип неприкосновенности частной собственности, возобладала идея индивидуальной уголовной ответственности, что, впрочем, во многих странах, в том числе Великобритании, Франции, не исключало уголовной ответственности юридических лиц.

В России уголовные санкции применялись к юридическим лицам с глубокой древности и сохранялись вплоть до первой половины XX в. Так, уголовное законодательство XIX в. допускало привлечение к уголовной ответственности не только хозяйственные обще-

⁶ Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 10-11.

⁷ См., напр.: Богущ Г.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета. Серия «Право». 2005. № 4. С. 19-29; Востоков А., Щедрин Н. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1. С. 58-61; Есаков Г.А. Уголовно-правовое воздействие и юридические лица // Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012; Он же. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. 2011. № 3. С. 26-30; Никифоров А. Юридическое лицо как субъект преступления // Уголовное право. 2000. № 2. С. 52-53; Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб.: Издательство «Лань», 2000. С. 9-10; и др.

⁸ Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Следственный комитет РФ [Сайт] // URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273>.

⁹ Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). М., 2013. С. 5-11, 243-300.

¹⁰ Всеукраїнська Спеціальна Колегія з питань боротьби з корупцією та організованою злочинністю [Сайт] // URL: http://www.vsk.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=283&Itemid=201&lang=ua (дата обращения: 29.12.2013).

ства, но и другие коллективные образования — территориальные (волости, села, деревни) и общественные структуры (диаспоры, семьи и т.д.).

К примеру, в Пространной Русской Правды¹¹ встречаются положения о применении по делам об убийстве денежных взысканий фискально-полицейского характера (дикой виры) к верви за укрывательство преступников из числа своих членов либо за преступления, в которых преступник не известен, но все улики указывают на его нахождение именно в этой верви (ст. 3–6). Обязанность членов общины противодействовать преступности и выдавать преступников (отводить от себя след) обеспечивалась такой процессуальной мерой, как «сочение следа» (преследование преступника по следу).

Привлечение к уголовной ответственности коллективных образований рассматривалось в качестве наказания в Соборном Уложении 1649 г.¹² Речь, прежде всего, шла об уголовном преследовании общин, сел, городов за ряд имущественных преступлений (воровство, татьбу, разбой), укрывательство преступников и недоносительство при невозможности применения принципа индивидуализации ответственности. Но до принятия Соборного Уложения в российском уголовном законодательстве не наблюдалось дифференциации уголовной ответственности юридических образований — вина за сокрытие преступников обычно ложилась на всех жителей общины. Например, в ст. 60–62 гл. XXI «О разбойных и татинных делах» законодатель формулирует розыскной порядок преследования укрывательства преступников и недоносительства. Лицо, пойманное за воровство, пытали на предмет выяснения, кто знал его в том месте, где он был задержан. При этом предусматривались два вида возможных показаний на пытке: 1) преступник был известен всем жителям данного села, деревни, посада и 2) преступник был известен только части коллективного образования. Исходя из этого, взыскание государевой пени (штрафа) и погашение иска истцов возлагались на все население или только на его часть.

Таким образом, законодатель оговорил возможность укрывательства воров не всем населением села, деревни, посада, а лишь некоторой частью его, на которую и возлагалась вина с соответствующими последствиями — взысканием штрафа (пени) в пользу государя и удовлетворением иска потерпевших. Возможно, усиление следственного начала в уголовном процессе и повышение индивидуальной ответственности, взамен прежней общинной поруки, связаны со снижени-

ем роли повального обыска. Однако цель устрашения коллективных образований под страхом наказания была сформулирована в Соборном Уложении предельно четко: «а вором бы, татем и разбойником нигде прибежища не было»¹³.

По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, Соборное Уложение «окончательно разложило общинную ответственность на личную: отвечают только те, кто знал и укрывал преступника», хотя не следовало исключать и то обстоятельство, что «в XVII в. далеко не вполне уничтожена полицейская обязанность общин и владений предупреждать преступления»¹⁴.

В доктрине отечественного права вопрос необходимости уголовной ответственности юридических лиц обосновывалась еще в середине XIX в. Именно в этот период стало явным стремление государственной власти к пресечению злоупотреблений со стороны корпораций посредством применения к ним уголовных санкций.

Такая идея, впрочем, признавалась не всеми. Так, в первоначальных материалах по составлению Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹⁵ говорилось: «в Уложении нельзя допускать таких законоположений, кои, не представляя практической пользы, удовлетворяли бы одной логической полноте: кодекс — не учебная книга; простой смысл каждому скажет, что преступление не может быть наказуемо, если не будет лица, коим оно совершено, и всякое выражение о существовании субъекта преступления было бы излишне, в том числе в разрешении вопроса, могут ли нравственные лица, напр., общество сделать целым своим составом преступление? Само собой разумеется, что сие было бы возможно только тогда, когда бы все до одного члены сего общества, по единогласному намерению, нарушили закон; но тогда каждый сам по себе понес бы наказание, определенное сообщникам, и нет никакого повода включать в проект Уложения особое правило о нарушении законов, целыми обществами сделанных»¹⁶.

Но в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. эти сомнения и возражения не были учтены. Уголовное законодательство установило нормы, позволяющие применять взыскания к юридическим лицам.

¹¹ Отечественное законодательство XI–XX веков: Пособие для семинаров. Часть I (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2000. С. 25–35.

¹² Памятники Русского права: в 8 вып. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1957. С. 22–407.

¹³ Соборное Уложение 1649 г. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пенях. Л., 1987. С. 371–372.

¹⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. СПб. – Киев, 1889. С. 55.

¹⁵ Свод законов уголовных. Кн. 1. СПб., 1866. С. 135–136, 139–140, 251–252, 263.

¹⁶ Цит. по: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. СПб., 1902. С. 378.

В частности, были закреплены нормы о применении денежного взыскания:

1) к обществу, когда их должностные лица, виновные в присвоении или растрате, были не в состоянии возместить причиненные убытки;

2) к рекрутским участкам, за нарушение правил постановки рекрутов на учет и взыскания рекрутских повинностей (ст. 511-515);

3) к сельскому обществу за укрывательство военных беглецов, если беглец не был обнаружен и приведен к начальству самим обществом (ст. 528);

4) к семьям за укрывательство беглых рекрутов, отданных на службу из того же селения или городского податного общества (ст. 529);

5) к еврейскому обществу за укрывательство военных беглецов из евреев, если оно само не обнаружило беглеца и не предоставило его начальству (ст. 530);

6) к обществам, которые вторично отпустили по паспортам или свидетельствам немощных лиц (по старости, дряхлости болезни, калечеству и пр.) и те, впоследствии, были изобличены в прошении милостыни (ст. 985).

Уголовно-правовой характер приведенных предписаний никоим образом не оспаривался в теории уголовного права¹⁷. Обосновывая идею уголовной ответственности юридических лиц, Г.И. Солнцев видел сущность преступлений корпораций в фактической деятельности отдельных его индивидов, совершивших преступление не в целях правомерной общественной цели, а для «особого от сей цели уклонения и им интересного намерения»¹⁸. Иными словами, на юридическое лицо понятие преступление распространялось в переносном смысле.

Но все же, независимо от положительного подхода законодателя к решению вопроса об уголовной ответственности юридических лиц, в доктрине сохранялись глубокие сомнения в допустимости этого института, основанные на принципе индивидуализации, «фиктивной» правоспособности юридических лиц, сущности субъективных признаков преступления и практической невозможности привлечения «фиктивных» лиц к уголовной ответственности.

Любопытны некоторые высказывания дореволюционных правоведов по вопросу о признании юридического лица субъектом преступления.

Как пояснял Н.А. Неклюдов, в контексте положений Уложения о наказаниях за вред и убытки, причиненные преступлением, юридические лица несли только имущественную ответственность, а уголовная ответственность

распространялась на тех их членов, которые «лично виновны в преступлении»¹⁹. В противном случае необходимо было проводить различия между отдельными категориями юридических лиц, учитывать особенности видов преступлений, нарушить принцип процесса о личной уголовной ответственности, исхитриться применить положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Выходом из этой ситуации, отмечал в свое время Н.С. Таганцев, могло служить введение квазиответственности юридических лиц²⁰. Он писал: «Определением преступления, как юридического действия, предельно решается и вопрос о том, кто может быть его субъектом. В противоположность случаям посягательства на предметы, пользующиеся юридической охраной, субъектом преступления может быть только лицо»²¹.

Однако «в области права понятие «лица» распространяются не только на лиц физических, но и на так называемых лиц юридических», которыми признаются «единения лиц физических», с отдельными интересами и целями. В контексте уголовной политики признание принципа ответственности юридических лиц внесет «крайний произвол и неопределенность в установление объема и условий этой наказуемости». Кроме того можно допустить привлечение к ответственности корпораций только за некоторые виды преступных деяний, прежде всего имущественного характера, злоупотреблений политическими правами, полицейских нарушений и пр. Определенные ограничения выявляются и относительно наказаний — к юридическим лицам могут быть применены денежные взыскания и аналогичное смертной казни (причем неоправданное с точки зрения общественной опасности) прекращение, уничтожение корпорации.

По сути, такие санкции расцениваются как гражданско-правовые меры. По мнению Н.С. Таганцева, важно учитывать, что «юридические лица всех категорий существуют только как продукт юридического вымысла», а уголовная ответственность обуславливается виновностью лица (умыслом, небрежностью, наличием реальной, но не фиктивной воли, правоспособностью, дееспособностью, возможностью мыслить и осознавать совершенное деяние). Деяния юридических лиц являются проявлением «виновности толпы, масс», простой совокупности физических лиц, особой формы коллективной вины, разновидности соучастия²².

¹⁷ Там же. С. 378.

¹⁸ Солнцев Г. Российское уголовное право. По изд. 1820 г. / под ред. и с вступ. статьей Г.С. Фельдштейна. Ярославль, 1907. С. 73.

¹⁹ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875. С. 23.

²⁰ Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. Учение о преступлении. СПб., 1874. С. 8-17.

²¹ Там же. С. 6, 8.

²² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. СПб., 1902. С. 369-372.

Аналогичные суждения встречались и в иных доктринальных источниках уголовного права. Так, по мнению А.Ф. Бернера, субъектом преступной деятельности мог быть только человек, «государства, общины, корпорации, учреждения и т.п. без сомнения суть ничто иное, как отвлеченные образы; личность же им приписываемая, есть только произведение юристов»²³. Установление наказуемости юридических лиц нарушало основополагающий уголовно-правовой принцип личной, персональной вины. Как отмечал Н.Д. Сергиевский, «основной принцип уголовного права требует, чтобы каждый отвечал только за проступок им совершенный»²⁴.

В конце XIX — начале XX вв. российское уголовное право, хотя и не без колебания, все реже стало признавать допустимость уголовной ответственности юридических лиц. Например, по одному из дел российского общества транспортных кладей в решении 1884 г. № 4 уголовный кассационный департамент Сената указал, что юридическое лицо не может подлежать уголовному преследованию за преступные деяния входящих в его состав лиц или агентов, которые в уголовном порядке несут личную ответственность. В решениях 1885 г. № 28 по делу о таганрогской таможне и 1896 г. № 17 по делу директоров ревельского общества морских купаний, Сенат уточнил порядок уголовного преследования членов юридических лиц: «если проступок, совершенный представителем юридического общества или его агентами, заключается в учинении какого-либо деяния, воспрещенного законом под страхом наказания, то отвечают за него все те лица, которые приняли участие в его совершении, по общим правилам о соучастии; если же нарушение заключалось в неисполнении каких-либо обязанностей, то за сие отвечают все члены правления или вообще все лица, заведующие делами ононого в совокупности» либо к ответственности привлекаются те члены правления общества, в компетенции которых находилось выполнение соответствующих обязанностей²⁵.

Но уголовно-правовые санкции в отношении обществ людей сохранялись. Такие санкции были и в советском уголовном законодательстве.

Так, в Декрете СНК РСФСР от 28 октября 1917 г. «О печати»²⁶ имелось указание о закрытии органов прессы, призывающих к деяниям явно преступного, т.е. уголовно-наказуемого характера (п. 3 ст. 1);

В Постановлении Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати»²⁷ предписывалось за преступления против прав и интересов народа, совершаемых путем использования печати (сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни) применять к произведениям печати следующие наказания: 1) штраф; 2) выражение общественного порицания, о котором привлеченное произведение печати доводит до всеобщего сведения способами, указанными трибуналом; 3) помещение на видном месте или же специальное издание опровержения ложных сведений; 4) временная или навсегда приостановка издания или изъятие его из обращения; 5) конфискация в общенародную собственность типографии или имущества издания печати, если таковое принадлежало привлеченным к суду (ст. 2, 8). Кроме того, Постановление содержало весьма важное для современного права положение о том, что привлечение произведения печати к ответственности не исключало общеуголовной ответственности виновных лиц (ст. 9).

Аналогичные нормы были включены в Декрет СНК РСФСР от 28 января 1918 г. «О революционном трибунале печати»²⁸ (ст. 2, 8).

Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 3 июня 1919 г. «О мерах по искоренению дезертирства»²⁹ предоставляло право налагать штрафы на целые волости, села и деревни за круговой порукой всего населения или назначать для них принудительные общественные работы, в тех случаях, когда местное население упорно укрывало дезертиров или не оказывало содействия к их задержанию (ст. 8).

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 9 февраля 1922 г. «Об ответственности за уничтожение и порчу геодезических знаков»³⁰, наряду с уголовной ответственностью виновных лиц, устанавливал квазиответственность тех обществ, на участках которых уничтоженные или испорченные геодезические знаки были установлены. Эти общества в случаях розыска виновных лиц обязаны были восстановить упомянутые знаки за свой счет (ст. 2).

Постановление Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата труда РСФСР от 29 октября 1923 г. «Об определении понятия «нанимателя», как лица ответственного за исполнение законов о применении наемного труда в порядке статей 132, 133, 134

²³ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. СПб., 1865. С. 339.

²⁴ Сергиевский Н.Д. Курс лекций по уголовному праву. Ярославль, 1880. С. 338.

²⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. СПб., 1902. С. 370–379.

²⁶ СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 7.

²⁷ СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 156.

²⁸ СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 362.

²⁹ СУ РСФСР. 1919. № 25. Ст. 287.

³⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. С. 144.

и 156 Уголовного кодекса»³¹ включало положение, вызывающее в настоящее время дискуссионные суждения. В примечании к ст. 1 раскрывался принцип идентификации, согласно которому за деяния нанимателя юридического лица к ответственности привлекались физические лица, являющиеся ближайшими ответственными руководителями работ. В свою очередь, высшая администрация и владелец предприятия или учреждения привлекались в качестве соучастников, если они заведомо знали о преступлении и не приняли должных мер к его устранению, либо если преступление было совершено по их распоряжению, в том числе через подставных лиц (ст. 2).

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября 1926 г. «О дополнительных мероприятиях, обеспечивающих усиленную ответственность учреждений, предприятий и лиц за производство расходов, не соответствующих назначению, предусмотренным бюджетом»³² устанавливало ликвидацию незаконно существующих касс, как нередко способствующих производству бескредитных расходов (ст. 3).

Постановление СНК РСФСР от 27 марта 1929 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами»³³, принятое в соответствии с Постановлением СНК СССР от 28 декабря 1928 г. «О борьбе с лжекооперативами»³⁴, предусматривало два вида наказания для юридических лиц — пробацию и ликвидацию. В первом случае, предписывалось при обнаружении неправильного характера деятельности организации, большинство членов которых составляли трудящиеся и деятельность которых могла быть исправлена, применять меры оздоровления (перевыборы органов управления и ревизии; усиление контроля со стороны подлежащих органов и пр.). Те же организации, которые не могли быть оздоровлены указанными мерами, подлежали второму виду наказания — безусловной ликвидации (ст. 5).

Однако, несмотря на наличие в уголовном законодательстве норм об ответственности юридических лиц, в теории советского уголовного права вопрос о возможности применения к юридическим лицам уголовно-правовых санкций, как правило, отрицательно. В частности, А.Н. Трайнин, ссылаясь на провозглашенную еще в римском праве концепцию невозможности совершения юридическими лицами преступлений («*Societas delinquere non potest*»), обосновывал подобную позицию с точки зрения неспособности юридических лиц действовать умышленно, вменяемо и подлежать физическому наказанию. Обосновывая нецелесообразность

уголовной ответственности юридических лиц, он приводил примеры махинаций американских корпораций по легализации преступных доходов, описывал научные суждения о возможности перенесения на юридическое лицо уголовно-правовых последствий преступных деяний, совершенных органами юридического лица — физическими лицами, анализировал законодательную работу по созданию проекта международного уголовного кодекса, предлагающего в качестве юридического лица привлекать к уголовной ответственности государство. А.Н. Трайнин сформулировал однозначный вывод: положения материального уголовного права об ответственности покоятся на вине (в формах умысла или неосторожности), институтах вменяемости, стадиях совершения преступления, соучастия, наказания. Все названные понятия и институты не применимы в уголовной ответственности юридических лиц — они не могут быть вменяемы или невменяемы, находиться «на скамье подсудимых или за решеткой тюрьмы». Ответственность юридических лиц может быть материальной или моральной, но никак не уголовно-правовой. В этой связи, по его мнению, наиболее эффективной санкцией в отношении юридических лиц являются финансовые взыскания³⁵, иными словами, применение различных экономических ограничений.

Позиция А.Н. Трайнина, ряда других ученых первого этапа становления советской власти была поддержана не только большей частью правоведов, но и самим государством, что было неслучайным.

Обобществление собственности, господствующее, а потом и монопольное существование государственных предприятий и организаций исключали уголовную ответственность юридических лиц, поскольку уголовную ответственность, наряду с ними, должно было разделить и государство, как их собственник, осуществляющий функции по управлению ими.

Впрочем, уголовная ответственность в советском уголовном законодательстве существовала еще долго.

Рамки настоящего исследования не позволяют провести анализ всех нормативных правовых актов, содержащих нормы об уголовной ответственности юридических лиц. Они встречались и в иных источниках (Судебниках 1497 г. и 1550 г., Уставе воинском 1716 г., Уставах о паспортах и беглых, евреях 1827 г. и др.).

Но и приведенных примеров достаточно, чтобы доказать, что отечественное законодательство вплоть до первой половины XX вв. знало этот институт и оперировало многими видами наказаний, известными современному зарубежному праву (штрафом, ликвидацией, запретом заниматься определенным видом деятельности, времен-

³¹ Там же. С. 168.

³² Там же. С. 255.

³³ СУ РСФСР. 1929. № 29. ст. 305.

³⁴ СЗ СССР. 1929. № 3. Ст. 28.

³⁵ Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества // Трайнин А.Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 713-724.

ным прекращением деятельности, пробацией; публичным обнародованием приговора и конфискацией).

Как показывает генезис российского законодательства, в большей части нормы об уголовной ответственности юридических лиц формировались в контексте уголовного преследования за укрывательство преступлений, прежде всего экономической направленности.

Безусловно имеющийся опыт зарубежных стран важен и ценен для выбора способа введения в отечественное право института уголовной ответственности юридических лиц³⁶. Однако не стоит забывать, пусть даже не всегда позитивную, практику привлечения юридических лиц к квазиуголовной ответственности, некогда существовавшую в отечественном праве.

Библиографический список:

1. Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // СЗ РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2394.
2. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. // Бюллетень международных договоров. — 2006. — № 10. — С. 7–54.
3. Декрет СНК РСФСР от 28 октября 1917 г. «О печати» // СУ РСФСР. — 1917. — № 1. — Ст. 7.
4. Постановление НКЮ РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» // СУ РСФСР. — 1917. — № 10. — Ст. 156.
5. Декрет СНК РСФСР от 28 января 1918 г. «О революционном трибунале печати» // СУ РСФСР. — 1918. — № 28. — Ст. 362.
6. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 3 июня 1919 г. «О мерах по искоренению дезертирства» // СУ РСФСР. — 1919. — № 25. — Ст. 287.
7. Декрет СНК РСФСР от 9 февраля 1922 г. «Об ответственности за уничтожение и порчу геодезических знаков» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.). — М., 1953. — С. 144.
8. Постановление НКЮ и НКТруда РСФСР от 29 октября 1923 г. «Об определении понятия «нанимателя», как лица ответственного за исполнение законов о применении наемного труда в порядке статей 132, 133, 134 и 156 Уголовного кодекса» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917-1952 гг.). — М., 1953. — С. 168.
9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 сентября 1926 г. «О дополнительных мероприятиях, обеспечивающих усиленную ответственность учреждений, предприятий и лиц за производство расходов, не соответствующих назначениям, предусмотренным бюджетом» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 — 1952 гг.). — М., 1953. — С. 255.
10. Постановление СНК СССР от 28 декабря 1928 г. «О борьбе с лжекооперативами» // СЗ СССР. — 1929. — № 3. — Ст. 28.
11. Постановление СНК РСФСР от 27 марта 1929 г. «О мерах борьбы с лжекооперативами» // СУ РСФСР. — 1929. — № 29. — Ст. 305.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Свод законов уголовных. Кн. 1. СПб., 1866.
13. Соборное Уложение 1649 г. // Памятники Русского права: в 8 выпусках. Вып. 6: Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. — М., 1957. С. 22–407.
14. Пространная Русская Правда // Отечественное законодательство XI-XX веков: пособие для семинаров. Ч. I (XI-XIX вв.) / под ред. проф. О.И. Чистякова. — М.: Юристъ, 2000. — С. 25–35.
15. Закон України від 23 травня 2013 року № 314-VII «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України стосовно відповідальності юридичних осіб // Верховна Рада України» [Сайт] // URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/%20314-vii> (дата обращения: 01.12.2013).
16. Семькина О.И. Генезис уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве середины XIX-XXI вв. // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России): сб. матер. всерос. науч.-практич. конф. (18 апреля 2013 г.): в 2 ч. — М.: Академия управления МВД России, 2013. — Ч. 2. — С. 269-274.
17. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. — 2011. — № 9. — С. 10-11.

³⁶ По этому вопросу см. подробнее: Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве. М., 2013.

18. Богуш Г.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета. Серия «Право». — 2005. — № 4. — С. 19-29.
19. Востоков А., Щедрин Н. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. — 2009. — № 1. — С. 58-61.
20. Есаков Г.А. Уголовно-правовое воздействие и юридические лица // Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. — М.: Проспект, 2012.
21. Есаков Г.А. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. — 2011. — № 3. — С. 26-30.
22. Никифоров А. Юридическое лицо как субъект преступления // Уголовное право. — 2000. — № 2. — С. 50–55.
23. Павлов В.Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. — СПб.: Издательство «Лань», 2000.
24. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Следственный комитет РФ [Сайт] // URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273>.
25. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). — М., 2013. — С. 5-11, 243-300.
26. Соборное Уложение 1649 г. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пеняех. — Л., 1987. — С. 371-372.
27. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части общая и особенная. — СПб., 1865.
28. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 3. СПб — Киев, 1889.
29. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). — СПб., 1875.
30. Сергиевский Н.Д. Курс лекций по уголовному праву. — Ярославль, 1880.
31. Солнцев Г. Российское уголовное право. По изд. 1820 г. / под ред. и с вступ. статьей Г.С. Фельдштейна. — Ярославль, 1907.
32. Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. Учение о преступлении. — СПб., 1874.
33. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. — СПб., 1902.
34. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества // Трайнин А.Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой. — СПб., 2004. — С. 713-724.
35. Joint First and Second Evaluation Rounds. Evaluation Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 40th Plenary Meeting (Strasbourg, 1-5 December 2008) // Group of States Against Corruption [сайт] // URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 29.11.2013).
36. Compliance Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 49th Plenary Meeting (Strasbourg, 29 November — 3 December 2010) // Group of States Against Corruption [сайт] // URL: <http://www.coe.int/greco> (дата обращения: 29.11.2013).

References (transliteration):

1. Konvenciya OON ob ugovolnoi otvetstvennosti za korrupciyu ot 27 yanvary 1999 g. // SZ RF. — 2009. — № 20. — St. 2394.
2. Konvenciya OON protiv korrupcii ot 31 oktyabrya 2003 g. // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. — 2006. — № 10. — S. 7-54.
3. Dekret SNK RSFSR ot 28 oktyabrya 1917 g. «O pečati» // SU RSFSR. — 1917. — № 1. — St. 7.
4. Postanovlenie NKYu RSFSR ot 18 dekabrya 1917 g. «O revolyucionnom tribunale pečati» // SU RSFSR. — 1917. — № 10. — St. 156.
5. Dekret SNK RSFSR ot 28 yanvary 1918 g. «O revolyucionnom tribunale pečati» // SU RSFSR. — 1918. — № 28. — St. 362.
6. Postanovlenie Soveta rabochei i krest'yanskoj oborony RSFSR ot 3 iyunya 1919 g. «O merah po iskoreneniyu dezertirstva» // SU RSFSR. — 1919. — № 25. — St. 287.
7. Dekret SNK RSFSR ot 9 fevralya 1922 g. «Ob otvetstvennosti za unichtozhenie i porchu geodezicheskikh znakov» // Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917-1952 gg.). — M., 1953. — S. 144.
8. Postanovlenie NKYu i NKTruda RSFSR ot 29 oktyabrya 1923 g. «Ob opredelenii ponyatiya «nanimatelya», kak lica otvetstvennogo za ispolnenie zakonov o primenenii naemnogo truda v porjadke statei 132, 133, 134 i 156 Ugovolnogo kodeksa» // Sbornik dokumentov po istorii ugovolnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917-1952 gg.). — M., 1953. — S. 168.
9. Postanovlenie VCIK i SNK RSFSR ot 14 sentyabrya 1926 g. «O dopolnitel'nyh meropriyatiyah, obespechivayushih usilennuyu otvetstvennost' uchrezhdenii, predpriyatii i lic za proizvodstvo rashodov, ne sootvetstvuyushih naznacheni-

- yam, predusmotrennym byudzhedom» // Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917-1952 gg.). — M., 1953. — S. 255.
10. Postanovlenie SNK SSSR ot 28 dekabrya 1928 g. «O bor'be s lzhekooperativami» // SZ SSSR. — 1929. — № 3. — St. 28.
 11. Postanovlenie SNK RSFSR ot 27 marta 1929 g. «O merah bor'by s lzhekooperativami» // SU RSFSR. — 1929. — № 29. — St. 305.
 12. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1845 g. // Svod zakonov ugolovnyh. Kn. 1. — SPb., 1866.
 13. Sobornoe Ulozhenie 1649 g. // Pamyatniki Russkogo prava: v 8 vypuskah. Vyp. 6: Sobornoe Ulozhenie carya Alekseya Mihailovicha 1649 g. — M., 1957. — S. 22-407.
 14. Prostrannaya Russkaya Pravda // Otechestvennoe zakonodatel'stvo XI-XX vekov: posobie dlya seminarov. Ch. I (XI-XIX vv.) / pod red. prof. O.I. Chistyakova. — M.: Yurist', 2000. — S. 25-35.
 15. Zakon Ukraini vid 23 travnya 2013 roku № 314-VII «Pro vnesennyya zmin do deyakih zakonodavchih aktiv Ukraini shodo vikonannya Planu di shodo liberalizatsii ivropeiskim Soyuzom vizovogo rezhimu dlya Ukraini stosovno vidpovidal'nosti yuridichnih osib // Verhovna Rada Ukraini» [Sait] // URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/%20314-vii> (data obrasheniya: 01.12.2013).
 16. Semykina O.I. Genезis ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lic v otechestvennom zakonodatel'stve serediny XIX-XXI vv. // Organy predvaritel'nogo sledstviya v sisteme MVD Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy (k 50-letiyu so dnya obrazovaniya sledstvennogo apparata v sisteme MVD Rossii): Sb. mater. vseros. nauch.-praktich. konf. (18 aprelya 2013 g.): v 2 ch. — M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. — Ch. 2. — S. 269-274.
 17. Naryshkin S.E., Habrieva T.Ya. Mehanizm ocenki antikorrupcionnykh standartov GREKO (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) // Zhurnal rossiiskogo prava. — 2011. — № 9. — S. 10-11.
 18. Bogush G.I. K voprosu ob ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Pravo». — 2005. — № 4. — S. 19-29.
 19. Vostokov A., Shedrin N. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic ili inye mery ugolovno-pravovogo haraktera v otnoshenii organizatsii // Ugolovnoe pravo. — 2009. — № 1. — S. 58-61.
 20. Esakov G.A. Ugolovno-pravovoe vozdeistvie i yuridicheskie lica // Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: monografiya / G.A. Esakov, T.G. Ponyatovskaya, A.I. Rarog i dr.; pod red. A.I. Raroga. — M.: Prospekt, 2012.
 21. Esakov G.A. Mery ugolovno-pravovogo haraktera v otnoshenii yuridicheskikh lic: kriticheskaya ocenka // Ugolovnoe pravo. — 2011. — № 3. — S. 26-30.
 22. Nikiforov A. Yuridicheskoe lico kak sub'ekt prestupleniya // Ugolovnoe pravo. — 2000. — № 2. — S. 50-55.
 23. Pavlov V.G. Sub'ekt prestupleniya i ugolovnaya otvetstvennost'. — SPb.: Izdatel'stvo «Lan'», 2000.
 24. Bastrykin A.I. K voprosu o vvedenii v Rossii ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Sledstvennyi komitet RF [Sait] // URL: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=1273>.
 25. Golovanova N.A., Lafitskii V.I., Cirina M.A. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v mezhdunarodnom i nacional'nom prave (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). — M., 2013. — S. 5-11, 243-300.
 26. Sobornoe Ulozhenie 1649 g. Tekst i kommentarii / G.V. Abramovich, A.G. Man'kov, B.N. Mironov, V.M. Peneyah. — L., 1987. — S. 371-372.
 27. Berner A.F. Uchebnik ugolovnogo prava. Chasti obshaya i osobennaya. — SPb., 1865.
 28. Vladimirskii-Budanov M.F. Hrestomatiya po istorii russkogo prava. Vyp. 3. SPb — Kiev, 1889.
 29. Neklyudov N.A. Obshaya chast' ugolovnogo prava (konspekt). — SPb., 1875.
 30. Sergievskii N.D. Kurs lektsii po ugolovnomu pravu. — Yaroslavl', 1880.
 31. Solncev G. Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Po izd. 1820 g. / pod red. i s vstup. stat'ei G.S. Fel'dshteina. — Yaroslavl', 1907.
 32. Tagancev N.S. Kurs russkogo ugolovnogo prava. Chast' Obshaya. Kn. 1. Uchenie o prestuplenii. — SPb., 1874.
 33. Tagancev N.S. Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' Obshaya. T. I. Izd. vtoroe, peresmotrennoe i dopolnennoe. — SPb., 1902.
 34. Trainin A.N. Zashita mira i bor'ba s prestupleniyami protiv chelovechestva // Trainin A.N. Izbrannyye trudy / sost., vstup. st. N.F. Kuznecovoi. — SPb., 2004. — S. 713-724.
 35. Joint First and Second Evaluation Rounds. Evaluation Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 40th Plenary Meeting (Strasbourg, 1-5 December 2008) // Group of States Against Corruption [sait] // URL: <http://www.coe.int/greco> (data obrasheniya: 29.11.2013).
 36. Compliance Report on the Russian Federation. Adopted by GRECO at its 49th Plenary Meeting (Strasbourg, 29 November — 3 December 2010) // Group of States Against Corruption [sait] // URL: <http://www.coe.int/greco> (data obrasheniya: 29.11.2013).